

TARİH-E MILLİ: “OUR HISTORY” IN THE “SHURA” JOURNAL

Dilyara Brileva
diliarabrileva@gmail.com

The study deals with the formation of the idea of the national history among the Muslim Tatars of the Russian Empire in the periodicals in the early 20 century. The study’s analysis is based on the materials of the journal “Shura” (1908-1917). Discussions about the history of the Turkic Tatars were built around the concepts of “our history” (tarihymyz) and “national history” (tarih-e milli and milli tarih). The ideas about “our history” in the journal “Shura” were formed through the construction of the “glorious history” of the Turks and the creation of the image of a civilized (madani) nation. Discussions about national history allow us to reveal whom the authors of the publications attributed to the category “our ancestors” and what traits were attributed to them. The interpretation of the Turko-Tatar history was considered to be distinctive for this periodical (A. Assmann).

Keywords: *history of the Russian Empire, history of Islam in Russia, the Tatar periodical press, journal “Shura”, Rizaetdin Fabretdin.*

Junior Research Fellow,
A.E. Krymsky Institute
of Oriental Studies,
National Academy of Sciences
of Ukraine (Kiev)
Dilyara Brileva

Настоящее исследование посвящено формированию представления о национальной истории татар-мусульман на страницах периодической печати Российской империи начала XX в. Работа основана на анализе материалов журнала «Шура» (1908–1917). Дис-

Диляра Брилева

Младший научный сотрудник Института востоковедения имени А.Е. Крымского, Национальная академия наук Украины (г. Киев)

куссии об истории тюрко-татар строились вокруг понятий «своя история» (тарихымыз) и «национальная история» (тарих-е милли и милли тарих). Представления о «своей истории» в журнале «Шура» формировались через построение «славной истории» тюрков и создания образа цивилизованной (мэдэни) нации. Рассуждения о национальной истории позволяют судить о том, кого авторы публика-

ций относили к категории «наши предки» и какие черты им приписывали. Интерпретация истории тюрко-татар рассматривается в качестве присущей данному, отдельно взятому изданию (А. Ассман).

Ключевые слова: *история Российской империи, история ислама в России, татарская периодическая печать, журнал «Шура», Ризаэтдин Фахретдин.*

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ В ТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИКЕ НАЧАЛА XX в.

В конце XIX — начале XX веков начинает складываться татарская историческая наука. Этот процесс происходил параллельно с поисками идентичности в среде татарской мусульманской интеллигенции Российской империи и отчасти должен был явиться ответом на вопрос: «кто мы?» При этом историческая наука складывалась как из текстов татар-мусульман, написанных на территории Российской империи, так и созданных авторами, пребывавших в эмиграции. Например, Ф. Шакуров (2002, с. 30–50), рассматривая формирование представлений о «своей истории» у татар-мусульман рубежа XIX–XX вв., подробно анализирует работы Габдеррашида Ибрагимова (1857–1944), Ризаэтдина Фархретдина (1859–1936), Хасан-Гата Габаши (1863–1936), Гайнетдина Ахмарова (1864–1911), Гарифуллы Салихова (? — ок. 1915), Хади Атласи (1876–1938), Ахмад-Заки Валиди (1890–1970), Габдел-Бари Батгала (1880–1969), Мурада Рамзи (1855–1934), Курбангали Халиди (1846–1913). Важ-

но, что национальная история, создаваемая в начале XX в., конструировалась не внешними по отношению к татарскому мусульманскому сообществу России авторами из числа православных миссионеров и «западных» востоковедов, а самими мусульманами (Усманова, 2004, с. 110). В то же время здесь речь идет не о религиозных трактовках татарской истории, а о формировании светской истории. Первым же этапом становления светской истории стало обращение к «истокам»: к ранней истории тюркских народов, к древней истории тюрко-татар и их наиболее значимых государственных образований (там же, с. 113).

Наиболее известными авторами, писавшими исторические сочинения, являются Шигабутдин Марджани (1818–1889) и упоминавшийся выше Риззэтдин Фахретдин. Один самых известных трудов Шигабутдина Марджани посвящен истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства — «Сведения о положении дел в Казани и Булгаре» («Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар»)¹. Примечательно, что труд по «своей истории» Марджани написал на «своем языке» — на (старо)татарском, в отличие от большинства остальных его сочинений (преимущественно теологического содержания), написанных на арабском (Миргалеев, Абызова, 2018, с. 184). Кроме того, «Сведения...» стали первой книгой по истории татар, написанной на (старо)татарском языке (Schamiloglu, 1990, p. 42). Из-под пера Р. Фахретдина вышло не одно произведение, посвященное истории татар. Однако наиболее значимыми текстами являются «Асар» («Следы»)² и многочисленные статьи исторического содержания, опубликованные в журнале «Шура» («Совет»), бессменным редактором которого он являлся на протяжении всех десяти лет существования издания.

Формально официальная история татарской периодической прессы восходит к тем изменениям, которые произошли после подписания Манифеста 17 октября 1905 г., когда появляется и начинает стремительно развиваться периодическая пресса татар-мусульман³. По подсчетам Д. Усмановой, между двумя революциями 1905–1907 и 1917 гг. выходили 76 периодических изданий (Усманова, 2013, с. 149). Но далеко не все газеты и журналы выходили регулярно и длительное время. Часть изданий прекратила свое существование по политическим и финансовым причинам. Издания часто определяли свою направленность как литературную, а также как политическую, религиозную, научную, образовательную и даже сатирическую.

Специальных исторических журналов не существовало, тем не менее к вопросам истории татар, тюрко-татар, тюркок-мусульман на страницах периодической печати татар-мусульман Российской империи начала XX века обращались часто. Создание четкого образа нации являлось важнейшей задачей интеллектуальной элиты татар-мусульман, что расценивалось как необходимое условие для оформления нации и среди прочего требовало изучения «своей истории» (Усманова, 2004, с.117). В то же время,

1. Первое переложенное на кириллицу издание этой книги увидело свет еще в 1989 г., однако раздел по золотоордынской истории, а также разделы, посвященные другим татарским ханствам, кроме Казанского, в него не вошли (Миргалеев, Абызова, 2018, с. 184). Позднее раздел, посвященный золотоордынскому периоду, вышел в виде отдельной статьи с комментариями (Миргалеев, Абызова, 2018). Что касается научной литературы, Марджани как историк посвящены три статьи в девятом томе журнала «Islamology», вышедшем по случаю 200-летия со дня рождения Ш. Марджани: (Bustanov, 2019; Ахунов, 2019; Хайрутдинов, 2019).
2. «Асар» является многомым историческим сочинением Р. Фахретдина. Среди его значимых исторических сочинений современники отмечали упомянутый «Асар» и статьи, вышедшие в журнале «Шура» (Шәрәф, 1916, с. 311), что будет отмечено ниже.
3. В то же время стоит отметить, что первые издания на тюркских языках на Кавказе, в Крыму и в Туркестане стали появляться и раньше. Особую роль играла двуязычная газета «Терджиман»/«Переводчик» И. Гаспринского, издававшаяся в г. Бахчисарае в 1883–1918 гг. В условиях отсутствия периодики важное значение имели литературно-публицистические альманахи, главным из которых был «Мирьят» («Зеркало»), издаваемый Габдеррашитом Ибрагимовым в Санкт-Петербурге и Казани в 1900–1909 гг. (Усманова, 2013, с. 148).

«с точки зрения развития татарского национального проекта не существовало четких границ между публицистикой и историографией. Квинтэссенцией интеллектуальных дебатов того времени, пересекавших границы публицистики и историографии, была перманентная дискуссия о самоназвании — тюрки или татары — на страницах журналов «Совет» («Шура») и «Сознание» («Аң»), а также на заседаниях мусульманских съездов и «Национального собрания» («Миллят мэжлесе») в 1917–1918 годах» (там же, с. 114).

В журналах «Шура» («Совет») и «Аң» («Сознание») проходили дискуссии, посвященные понятию «нация» («милләт») и таким сопряженным с ним категориям, как религия, история, территория, проблема этнонима. В отдельных случаях дискуссии инициировались и модерировались редакциями изданий, которые предлагали читателям вступить в дискуссию, предоставив ответы на анкетные вопросы. В частности, один из вопросов анкеты, опубликованной в журнале «Аң» в 1913 г., касался отношения читателей к национальной истории (Усманова, 2018).

ИСТОРИЯ ТАТАР В ЖУРНАЛЕ «ШУРА»

В настоящей статье исследуется формирование образа «предков» через интерпретацию «своей истории» в журнале «Шура». Здесь я буду рассматривать, какой авторы исторического дискурса хотели видеть «свою историю», что стремились включить в последнее и почему.

Журнал «Шура» выходил в Оренбурге в 1908–1917 гг. под редакцией публициста, ученого и религиозного деятеля Р. Фахретдина. За эти десять лет было издано ровно 240 номеров. Журнал представлял собой площадку, где обсуждались важные вопросы современности, как правило, социального и богословского значения. На страницах издания могли быть высказаны разные позиции по одному и тому же вопросу. Кроме того, активная позиция главного редактора, которая предполагала взаимодействие редакции с подписчиками, позволяла последним обращаться в редакцию с вопросами по тому или иному вопросу и получать на них ответы от наиболее сведущих лиц. При этом редакция оставляла за собой право прокомментировать спорные высказывания своих авторов. Эти особенности функционирования издания делали журнал «Шура» местом, где возникала возможность ведения дискуссий и в нашем случае — конструирования своего видения истории тюрко-татар.

В первом же номере издания за 1908 г. среди планируемых девяти рубрик первые две были выделены под рассмотрение исторических вопросов. Первая из них называлась «Известные личности и великие события» («*Мәшһүр адәмләр вә олуғ хәдисләр*»), в нее планировалось включать «биографии великих людей древности и современности, повествовать о падишахах и вкратце рассказывать о географии и истории этих стран». Вторая же рубрика носила название «Статьи» («*Мәкаләләр*») и должна была охватывать «литературные, исторические, социальные» статьи. В то же время журнал определял себя как «литературный, научный, политический» и не делал акцента на исторической тематике. Журнал являлся наиболее авторитетным изданием своего времени, что объяснялось, с одной стороны, личностью самого главного редактора, а с другой — подборкой авторов, публиковавшихся в нем. Вес издания в глазах читательской аудитории, взвешенность подхода главного редактора в вопросах публикации материалов, отстаивающих различные позиции по обсуждаемым проблемам, и дискуссионный характер публикуемых материалов — все это наряду с продолжительным сроком выхода издания делает этот журнал важным источником для изучения.

В статье исследуются материалы журнальных публикаций, в которых присутствовали дискуссии о значении национальной (*милли*) истории как науки, выстраивались границы, охватывавшие национальную историю, ставились акценты на тех или иных исторических событиях и личностях, а также давалась оценка этим событиям и личностям. При этом основным понятием, вокруг которого строились дискуссии о истории татар, было понятие о «своей истории» (*тарихымыз* — буквально «наша история»). В этом же значении применялись понятия «национальная история» (*милли тарих* и *тарих-е милли*⁴). Поэтому, следуя логике авторов дискурса в журнале «Шура», мы используем эти два понятия как ключевые.

Поскольку в рамках данного исследования я руководствовалась конкретным концептом, который позволяет систематизировать анализируемый материал, статьи, выходящие в упомянутой рубрике «Известные личности и великие события» не рассматриваются, т. к. в них приводятся исключительно биографические данные, мало эмоциональной и оценочной информации, которая позволила бы судить о том, какой виделась национальная история авторам дискурса, формировавшегося в татарской печати начала XX в.

Редакция журнала «Шура», как и многие другие татарские периодические издания, практиковала жанр «вопрос-ответ», в рамках которого читатели могли обращаться с вопросами и получать ответы как от самого редактора журнала, так и от постоянного авторского коллектива. Эти небольшие заметки также вошли в круг источников.

Несмотря на то, что формально авторство статей без подписи, которых за десять лет издания журнала было немало, остается спорным, ряд ученых предполагает, что анонимные статьи относились или могли относиться к авторству самого Ризаэтдина Фахретдина (Dudoignon, 2006, p. 102). Поэтому можно говорить, что журнал «Шура» во многом представлял собой труд одного автора или же, по меньшей мере, был сильно подвержен влиянию своего главного редактора (там же, p. 101).

Этот подход к исследуемому материалу определяет и методологическую основу работы. Как утверждает Алейда Ассман, развивая идею Ницше о «памяти воли», «институции и корпорации, а также культуры, нации, государства, церковь или фирма “не имеют” памяти, ибо она “конструируется” ими с помощью мемориальных знаков и символов. Благодаря этой памяти институции и корпорации одновременно «конструируют» собственную идентичность» (Ассман, 2007, с. 21). Поэтому то видение «своей истории», которая конструировалась в журнале «Шура», мы будем рассматривать как свойственное конкретно этому изданию и не будем распространять на всю периодическую печать татар-мусульман, которая существовала между двумя революциями 1905 и 1917 гг.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СВОИХ И ДРУГИХ В ТАТАРСКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА XX В.

В процессе изучения «своей истории» (*тарихымыз*) встает проблема разграничения *своих* и *других*. Какие народы, какие этнические группы относились к категории «своих» на момент формирования дискурса периодической печати? Население каких территорий рассматривалось авторами периодической печати как часть «своего» в исторической перспективе?

Ответы на эти вопросы позволяют определить, что понималось авторами публикаций журнала «Шура» под «своей историей». При этом стоит отметить, что вопрос раз-

4. Эти два термина являются идентичными по своей сути и различаются лишь грамматическими особенностями. Так, в первом случае использован тюркский вариант сочетания определения и определяемого, во втором — так называемый персидский изафет, характерный для (старо)татарского языка

граничения «своей нации» / «своего народа», или, если говорить языком авторов дискурса татар-мусульман Российской империи начала XX в., «своего *миллета*», поднимался не только в статьях исторического характера. *Миллет* (в татарской фонетической традиции — *милләт*) происходит от арабского «*millab*», что переводится как «нация», «религия». Это важная деталь в понимании значения данного концепта, который стоял во главе угла масштабных дискуссий в периодической прессе татар-мусульман. Значение этого слова на арабском во многом соответствует тому наполнению понятия, которое существовало в понимании татарского населения начала XX в. и которое подразумевало, прежде всего, религиозную общность⁵. Так, в печати упоминается, что среднее поколение предпочитает называться мусульманами и не использует слова «татарин» или «тюрок» для самоопределения (Габиди, 1911, с. 116–117). Р. Джераси также указывает на первичность религиозной составляющей коллективной идентичности татар-мусульман (Джераси, 2013, с. 344). В дискурсе татар-мусульман начала XX в. понятие *миллет* часто появлялось в формулировке «прогресс нации» или *таракки-е миллет*. Прогресс нации в дискурсе становился важнейшей целью и ценностью, во имя которой затевались публичные обсуждения различных социальных/богословских вопросов (Брилева, 2019b, с. 423).

Часто о разграничении *своего* и *другого* в публикациях журнала «Шура», как, впрочем, и других изданий, можно судить, исходя из публичных обсуждений социальных и богословских проблем мусульманского сообщества Российской империи, в частности, и мусульманской уммы, в целом. Богословские вопросы в периодической печати татар-мусульман России начала XX в. часто рассматривались в контексте социальных преобразований мусульманского сообщества. Внесение ясности в существовавшие вопросы богословского характера в среде мусульманских интеллектуалов в понимании авторов дискурса являлось необходимым условием для развития *миллета*⁶.

Однако в прессе татар-мусульман разграничение *своего* и *другого* не всегда осуществлялось единообразно. Так, в обсуждении одних проблем другими оказывались народы/нации — *миллеты*, которые обладали другой религиозной составляющей коллективной идентичности. «Америка» и «Европа» как нация/*миллет* выступали *другими* в вопросах реформирования системы образования. В то же время *другими* могли оказаться и мусульмане Туркестана или Закавказья, когда речь заходила о бытовых и ежедневных практиках религиозного и нерелигиозного содержания. Таким образом, в печатном дискурсе татар-мусульман России существовали «другие мусульмане», которые, с одной стороны, являлись такими же мусульманами, как и «мы», и принадлежали общемировому сообществу мусульман, а с другой стороны — в быту и в жизни представляли собой *других*.

Как уже упоминалось выше, дискуссии о «своей истории» в журнале «Шура» выстраивались вокруг концепта «наша история» («*тарихымыз*»), который использовался в том же значении, что и «национальная история» (*тарих-е милли/милли тарих*). При этом под «национальной историей» понималась, прежде всего, общетюркская история или «история тюрко-татар». Определение содержания «милли тарих» должно также способствовать пониманию понятия «*миллет*»⁷ — ключевого для периодической прессы татар-мусульман начала XX в., вокруг которого проводились дискуссии по социаль-

5. В то же время важно иметь в виду, что наполнение понятия «милләт» в современном татарском языке и татарском обществе несколько отличается от тех коннотаций, которые вкладывались в этот термин в начале XX в. В частности, современное значение уже не распространяется на всех тюрок-мусульман, сужаясь до советского «татарского этноса». Часто это понятие используется в рамках выражения «татар милләте» («татарский народ»).

6. Более подробно о связи богословских вопросов и прогресса в обществе см.: (Брилева, 2019a).

7. «Милли» («национальный») — производное слово от «миллет».

ным и богословским реформам. Какими бы разными авторам публикаций ни виделись возможные варианты решения проблем, существовавших в современном им обществе, главная ценность для всех групп заключалась в лучшей судьбе для *миллета*.

ТАРИХ-Е МИЛЛИ: ОТ МУСУЛЬМАН К ТАТАРАМ

Национальная история в публичном дискурсе журнала «Шура» рассматривается авторами статей, опубликованных в издании, как важнейшая категория для формирования коллективной идентичности татар-мусульман Российской империи начала XX в. Распространение знания о национальной истории должно было способствовать укреплению самовосприятия как тюрко-татар в противовес существовавшему самоопределению «мусульманин».

В рассуждениях авторов дискурса о национальной истории предками выступают тюрки в целом: «...мы обладаем очень ограниченной информацией о жизни наших предков (*бабаларымыз*) — тюрков в целом...» (Гали, 1912, с. 716)

или

*И у нас есть своя история. Древние тюрки, которые одно время имели славу/честь (*шан*) и уважение (*шэрэф*), — наши уважаемые предки (Тарихымызга гаид, 1909, с. 391).*

В журнале «Шура» говорят и о значении национальной истории, о необходимости знать ее: «Человек, который не знает своей национальной истории (*милли тарих*) и не придает ей значения, не является членом этой нации (*милләт*)» (Тарихымызга гаид, 1909, с. 391).

Говоря о необходимости изучать и знать национальную историю, авторы используют религиозную аргументацию. Иными словами, знание «своей истории» выступает важным условием для сохранения величия «ислама»:

*Чтобы сберечь славу/честь (*шан*) и уважение (*шэрэф*) ислама и следовать пути благородных сахабов, и нам следует читать историю <...> И нам, прежде всего, следует знать историю своего народа — тюрков. Для этого, прежде всего, нужно постепенно начинать преподавать... нашу национальную историю (*милли тарихымыз*) (Габдуллин, 1912, с. 531).*

Еще одной целью, для достижения которой следовало изучать *тарих-е милли*, являлся рост национального духа. Способствовать этому должно было открытие национальных музеев:

*В одном из прошлых номеров «Вақыт»⁸ я упоминал о том, что для возрождения нашей национальной истории (*милли тарихымыз*) и для роста национального духа (*милли хис*) у нашего народа одним из самых необходимых условий является открытие национального музея (*милли музехана*) (Фәхретдинов, 1909, с. 145).*

Наибольшее значение в «своей истории» было необходимо уделять ранней истории тюрков: «Самым важным разделом в нашей собственной истории должны быть повествования о жизни древних тюрков» (Гали, 1912, с. 716).

Авторы обращали внимание читателей на отсутствие достаточного количества книг по «своей истории» и в особенности авторов, которые были бы готовы написать эти книги:

8. «Вақыт» – газета, выходившая в г. Оренбурге в 1906–1918 гг. под редакцией Фатиха Карими (1870–1937) на средства золотопромывальщиков Мухаммадшакира и Мухаммадзакира Рамиевых, которые являлись также издателями и журнала «Шура».

«Как это случается со всеми народами, русские книги по истории создавались не с опорой на конкретные доказательства, а делая «из двух кривых одного прямого». Но в то же время нельзя отрицать и то, что русские историки извлекали информацию из архивов, надгробий, старых монет, старых камней и оружия — в целом, путем проведения археологических раскопок. «Кривых» сведений и у нас много; но недостает людей, способных сделать «из двух кривых одного прямого» (Тарихымызга гаид, 1909, с. 391).

В критической статье Галимджана Шарафа⁹ на сочинение Заки Валиди¹⁰ «Тюрко-татарская история» («Төрөк-татар тарихы»), изданное в 1912 г. в Казани, приводится разбор существовавших на тот момент книг по истории. Из этой статьи следует, что интерес к национальной истории у авторов стал появляться только в самом начале XX в.:

Десять лет назад для ознакомления с нашей историей (тарихымыз) на нашем языке (телемез) было лишь два источника посерьезнее. Один из них — перевод книги «Родословная тюрков» Абу ал-‘Ази Бахадирихана¹¹ на казанский тюрки. (Перевод выполнен Габделгаллямом Фаезхан-углы¹² и был издан в 1891 г. в Казани.) Второй же — «Мустафад ал-ахбар» Шихаб-хазрата Марджани (Шэрэф, 1916, с. 311).

При этом автор утверждает, что выходившие в тот же период другие исторические труды не представляли особой ценности:

«Несмотря на то, что были и другие сочинения на казанском тюрки..., они с исторической точки зрения были незначительными и по большей части были полны суеверий и преданий. И только первые два были распространены среди народа» (Шэрэф, 1916, с. 311).

Автор статьи дает краткую характеристику книгам, выходившим в предыдущие десять лет.

Если Хасан-Гата хазрат Габаши¹³ в своих произведениях «Подробная история тюркского народа» / «Муфассал тарих-е каум-е турки» и «Краткой истории тюркского народа» / «Мухтасар тарих-е каум-е турки», которое вышло позднее, и в «Тюркских племенах» / «Турк ыруглары» стремится изучить тюркские племена, их отношение друг к другу, их жизнь в старые времена, то Риззэтдин хазрат [Фахретдин — Д.С.] через свои статьи в «Шуре» и драгоценный «Асар» познакомил [нас — Д.С.] с отдельными личностями, занимающими важное место в нашей давней и недавней национальной истории (милли тарихымыз), и их деяниями. Труды Гайнетдина Ахмерова¹⁴ открыли нам многие стороны времен Болгар[а — Д.Б.] и Казан[ского ханства — Д.Б.]. Хади эфенди Атласи¹⁵ написал «Историю Сибири» (Шэрэф, 1916, с. 311).

9. Галимджан Шараф (1886–1950) – ученый, писатель, общественно-политический деятель.

10. Заки Валиди (Ахмат-Заки Валиди, 1890–1970) – татаро-башкирский ученый, историк, востоковед, общественно-политический деятель.

11. Здесь написание имени приведено в соответствии с оригиналом. В тексте ошибочно использована буква «айн» вместо «гайн». В данном случае речь идет о правителе Хивинского ханства и историке Абу ал-Гази Бахадирихане (1603–1664).

12. Габделгаллям Фаезханов (1850–1910) известен своим сочинением «Двигатель мысли» («Мухаррик аль-афкар»), посвященным вопросам реформирования системы образования татар-мусульман; переводчик, педагог.

13. Хасан-Гата Габаши (1863–1936) – религиозный судья (казый) Оренбургского магометанского духовного собрания, историк.

14. Гайнетдин Ахмеров (1864–1911) – педагог и ученый.

15. Хади Атласи (1876–1938) – педагог, ученый, общественно-политический деятель.

Одним из главных моментов, которые подвергались критике в исторических текстах, являлось сокращение излагаемой истории, верхняя граница которой приходилась на Волжскую Булгарию, а нижняя — на взятие Казани в 1552 г.:

Все сочинение оставляет впечатление, будто до появления Волжской Булгарии у татар — наших предков (бабаларымыз) — не было своей истории, да и после падения Казанского ханства у них не было истории (Шэрэф, 1916, с. 312).

И в отношении труда Заки Валиди «Тюрко-татарская история» Г. Шараф также отмечает, что один из главных недостатков труда заключался в том, что «тюркским государствам, которые были до Чингиз-хана, не было уделено должного внимания» (Шэрэф, 1916, с. 313).

Что касается географических границ тех территорий, которые входили в категорию «нашего родного края» (*мамләкәтемез*), Р. Фахретдин утверждает¹⁶, что

Стамбул и южная сторона Черного моря не являются нашим родным краем (мамләкәтемез) (Ибне Батутаның..., 1917, № 12, обложка).

О национальной истории говорилось довольно часто в контексте реформ в области реформирования системы образования, в общем, и учебных программ, в частности. Национальная история называется одним из предметов, которые следовало вводить в школьные программы, что, в свою очередь, было необходимо для оформления своего представления о себе. Автор одной из статей обращает внимание читателей на то, что в татарских деревнях среди людей бытовало представление о себе как о мусульманах без отсылки к своему татарскому происхождению. Такое положение дел, по мнению автора, следовало исправлять путем внедрения национальной истории в школы:

<...> у каждой нации (милләт) есть своя история. В школах детям преподают историю, к тому же относятся к этому с большим вниманием. Какими людьми были их предки и в какое время они жили — обо всем дают представление. Рассказывая о доблестных поступках своих дедов, призывают следовать их примеру, упоминая об их ошибках, призывают не повторять их. Словом, наглядно учат их оберегать свою национальную принадлежность (миллият) и способам сохранения своего существования (мәүжүдият). А теперь давайте обратимся к нашим школам: преподается ли история так, как это было упомянуто выше? Знают ли наши дети о наших предках? Посвящены ли они в то, где и как они жили, и чьи-ли потомками они являются? (Я имею в виду школы низшего уровня. Потому что это самое важное. Мое мнение касается деревенских школ.) <...> Этого нет в наших школах. Даже если есть, то на уровне мечтаний и грез. Отсутствие этого имеет две причины, но самое главное в том, что нет подходящих книг. Возможно, было бы лучше, если бы вместо того, чтобы ежемесячно писать об истории ислама (тарих-е ислам), в подходящем виде писалось бы о национальной истории (тарих-е милли), пусть даже в единственном экземпляре. Правда, о своей истории (үз тарихымыз) есть некоторое количество книг, например, по истории тюркского народа (кабем-е төрки), истории Болгара, истории Казани... Найти себя в этих

16. Публикация вышла в разделе «Вопрос-ответ» и формально не имеет подписи.

книгах — сложное дело. <...> Короче, эти книги не в состоянии объяснить нам, кем мы являемся. <...> У нас в деревнях дети вынуждены заканчивать только начальную школу, и у них не бывает ни малейшего представления о нашей истории (*тарихымыз*). Если спросить у мужчин средних лет, они говорят: «Я — мусульманин!», не любят говорить «Я — татарин», так же, как не любят говорить «Я — тюрк»¹⁷ (Габида, 1911, с. 116–117).

Галимджан Шараф также указывает на то, что отсутствие книг по *тарих-е милли* приводило к тому, что дети в школах не могли изучать национальную историю:

Но до 1912 года на нашем языке (*телемез*) не было сочинения, которое бы охватывало историю тюркских народов с древних времен до наших дней, связывало бы [события — Д.Б.] в одну цепочку принятыми в науке методами, рассматривало бы взаимосвязь разных эпох. Отсутствие подобных трудов и в русской прессе еще более усложняло ситуацию. Это положение дел являлось очень большим препятствием для введения и закрепления национальной истории (*милли тарих*) в мектебах¹⁸ и медресе¹⁹ (Шэрэф, 1916, с. 311).

По замечанию Д. Усмановой, то, что создаваемые в начале XX в. национальные истории нередко принимали форму учебников для шакирдов медресе, было неслучайно, поскольку в начале XX в. «шакирды представляли собой наиболее значительную по охвату читательскую аудиторию, а издание учебников обеспечивало такому сочинению тиражи, немыслимые для иного рода изданий. Не в последнюю очередь создание национальных историй в виде учебных пособий было обусловлено потребностями реформируемых профессиональных учебных заведений. Одним из направлений реформирования джадидистами традиционной системы мусульманского образования было изменение учебных программ мектебов и медресе в сторону усиления светского компонента, увеличения количества светских предметов. В русле этих преобразований в учебные программы большинства джадидистских медресе в качестве отдельного предмета включалась история тюрко-татарских народов. А потому возникала острая потребность в учебных пособиях по национальной истории, написанных на местном материале и на понятном для большинства населения языке» (Усманова, 2004, с. 111–112).

Таким образом, журнал «Шура» формирует *миллет*-центричный дискурс, в котором *тарих-е милли* становится важным фактором для развития национальной коллективной идентичности. *Тарих-е милли*, по мнению авторов статей журнала «Шура», было необходимо вносить в школьные программы, что требовало наличия книг и учебных пособий для обучающихся.

ТАРИХ-Е МИЛЛИ: «СЛАВНАЯ ИСТОРИЯ» ПРЕДКОВ

Конструирование «своей истории» на страницах журнала «Шура» основывалось на попытках осмысления военного прошлого своего народа, а также на создании образа цивилизованного (*мэдэни*) и просвещенного (*мэггөрифэтле*) *миллета*.

Военное прошлое татарскими историками оценивалось по-разному. Так, если для одних участие предков (*бабаларымыз*) в военных сражениях и ведение войн было пред-

17. В данном случае понятие «тюрк» включает в себя также и значение слова «турок», что характерно и для современного турецкого языка.

18. Мектеп (*мәктәп*) – начальная школа в системе образования татар-мусульман Российской империи.

19. Медресе (*мәдрәсә*) – средняя и высшая школа в системе образования татар-мусульман Российской империи.

метом гордости для потомков, тем, что формировало «славную историю» тюрко-татар, то по мнению других, об этом не стоило говорить публично, поскольку это не могло способствовать построению «славной истории». В этой связи особый интерес представляет уже упомянутая критическая статья Галимджана Шарафа, в которой он отмечает, что замалчивание биографии отдельных исторических личностей, в частности, Тамерлана, характерно для ряда татарских историков, и выражает свое несогласие с такой позицией:

Как Шихаб хазрат в «Мустафад ал-ахбар» намеренно не останавливался на Тамерлане, так и Ризаэтдин хазрат, описывая биографии выдающихся личностей нашей национальной истории (милли тарих) в своей «Шуре», пропустил Хромого Тимура. Заки Валиди тоже, вероятно, следуя за ними, в первой части опустил историю Тамерлана <...> Во всех наших книгах по истории Хромой Тимур, государство, которое он построил, и история его детей отсутствовали, и это было серьезным недостатком. То, что наши историки ... не приветствовали такого великого героя должным образом, казалось неуважением, так же, как и то, что детей не знакомили с этим героем, в то время как знакомили с остальными, — казалось преступлением (Шэрэф, 1916, с. 312).

Г. Шараф оценивает времена военного могущества тюрков как страницу из «славной истории» тюрко-татар:

Самые могущественные времена тюрков, когда всю остальную Азию держали в страхе, а большую ее часть — в подчинении, Европе же не давали поднять головы, ... автор уместил в половину-четверть страницы (там же, с. 313).

Поскольку «своя история» включала историю тюрко-татар, среди предков, которые творили «славную историю», оказывались и Османы:

Во времена Османских правителей Селима I и Сулеймана I Великолепного, могущество тюрков не могло не привлечь внимания всей Европы. Превосходство тюрков во всем, во всех вопросах и во всех ситуациях, указывало на то, что однажды они обрушатся на Европу общей волной. В те времена многие великие европейцы, вместо того, чтобы бояться этого нападения со стороны тюрков, желали этого. Они верили, что приход тюрков избавит Европу от общественного устройства Средних веков и от угнетения властью пап (Мэржани, 1912, с. 82).

В то же время в дискурсе встречаются также и меланхолические нотки, которые в целом были характерны для дискурса татар-мусульман Российской империи начала XX в. Сравнивая былое величие Золотого века мусульман с современным положением мусульманской Уммы в целом и рассматривая последних как продолжение первых, авторы единогласно отмечали упадок, стагнацию. Эта оценка переносилась и на тюрко-мусульман:

*Как говорят великие историки, история — это всего лишь повторение событий, могущества (*шэукэт*) и величия (*газамат*) в разных местах и в разное время. Сейчас нет могущества Востока (*шэрык*). Исчезло, погасло (Мэржани, 1912, с. 84).*

В рамках общественных дискуссий о «своей истории», дискурсе прессы вырисовывается отдельная дихотомия: дикий (*вахши*) — цивилизованный (*мэдэни*). Эти две противоположные оценки используются для построения апологетического дискурса. Авторы статей

стремятся построить образ цивилизованного (*мэдэни*) и просвещенного (*мэгърифэтле*) народа, вернув тюркам доброе имя и избавившись от обвинений в дикости «*вэхшиш*»:

Несмотря на то, что тюрки являются самыми древними и самыми известными народами мира, по причине кровопролитий, нарушения мира, они обрели славу полудиких людей <...> Миру стало известно, что и тюрки обладают трудами первостепенной важности в мире культуры (Үземезчел, 1912, обложка).

Галимджан Шараф также признает необходимость реабилитировать историю тюрко-татар и очистить ее от клеветы:

*А в последние десять лет количество сочинений, касающихся нашей национальной истории, значительно увеличилось и продолжает увеличиваться. При этом не только множится количество трудов, но и с точки зрения содержания происходит очень быстрое развитие (*тараккый иту*); число людей, работающих в этом направлении, также увеличивается. И все это дает надежду на то, что наша славная (*шанлы*), но не ограниченная, не изученная история, наша история, покрытая пылью и грязью, вскоре оживет и встанет на ноги и мы увидим, как она очистится от грязи (*пычрак*), брошенной чужаками (*читлэр*) (Шәрәф, 1916, с. 311).*

В статьях прочитывается стремление объяснить военную активность предков их мирными намерениями:

*Однако эти войны велись не для того, чтобы награть добычу или сеять вокруг разруху, а скорее для того, чтобы противостоять нападениям со стороны, отстоять свою честь (*намус*) или для открытия рынков сбыта. Несмотря на то, что русские историки и не говорят прямо об этой истине, в то же время и не умаляют этого (Тарихымызга гаид, 1913, с. 10).*

Образ цивилизованного и культурного народа в представлении авторов журнала «Шура» включал в себя независимость, оседлость, земледелие, торговлю и разные виды ремесла:

*Согласно сведениям арабских историков, болгарские тюрки были сильными и цивилизованными (*мэдэни*) и жили единым сообществом в городах, возделывали землю и вели торговлю (Тарихымыз, 1912а, с. 558).*

В ремесленном деле особую известность получили кожаные изделия, болгарская кожа скупалась и на Востоке, и на Западе. Найденные изделия подтверждают мастерство болгар и в деле обработки металла (там же, с. 559).

*У болгар было великое государство и независимый правитель <...> Цивилизованный (*мэдэниятле*) и просвещенный (*мэгърифэтле*) народ, имевший свои ремесла <...> Государство у болгар было прочным, а в науке и культуре [они — Д.Б.] превосходили все остальные народы (там же, с. 590).*

«Славная история» тюрков имела крепкие связи с исламским миром. В частности, одного из подписчиков интересовал вопрос о достоверности сведений, изложенных в легенде о приезде с миссионерской целью трех *сахабов*²⁰ в Булгар. Согласно легенде, спустя некоторое время двое из них уехали обратно в Медину, а один сыграл свадьбу с ханской дочкой Туйбике и остался в Булгаре. Приведенная легенда, и в особенности отношение

20. Сахаба – сподвижники пророка Мухаммада.

к ней в прессе, представляется чрезвычайно важной в связи с тем, что позволяла конструировать историю исламизации региона, восходящую к *сахабам*. Журнал «Шура» в своем ответе указывает, что приезд *сахабов* из Медины не был возможен по ряду причин, и прежде всего, потому что в известных книгах по истории указаний на это событие нет (Болгарга сѣхабэлэр..., 1912, с. 507).

Отдельно подчеркивались связи с Россией. Так, «славная история» включала в себя и давние дружеские отношения с русскими землями:

Рассказывается, что [булгарские тюрки — Д.Б.] ездили в Суздаль и строили для князей церкви, а в голодные годы обеспечивали всех суздальцев хлебом (Тарихымызга гайд, 1913, с. 10).

Кроме того, включенность в имперский контекст упоминалась с целью конструирования «славного прошлого»:

Доказательством величия Булгарского государства может служить и то, что титул российских императоров до сегодняшних дней содержит [титул — Д.Б.] «князь Болгарский» (Тарихымыз, 1912b, с. 590).

Национальная история в представлении авторов публикаций журнала «Шура» видится как «славная история» тюрко-татар. В статьях звучит призыв реабилитировать доброе имя тюрко-татар и «очиститься» от клеветы, возведенной на *миллет*. «Славная история», таким образом, объединяла воинскую доблесть тюрков с образом цивилизованного (*мэдэни*), оседлого народа с развитой наукой и ремеслами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурс об истории тюрко-татар, с одной стороны, являлся частью публичного коллективного рассуждения о судьбе нации/народа (*миллета*). Концепты «своя история» (тарихымыз) и «национальная история» (*тарих-е милли* и *милли тарих*) выступали первичными по отношению к «прогрессу нации» (*таракки-е миллет*), во имя которого и затевались все дискуссии в татарской печати разной направленности.

С другой стороны, осмысление истории в периодической прессе татар-мусульман Российской империи начала XX в. являлось частью общего реформаторского дискурса. О необходимости развивать национальную историю как науку говорится в связи с реформами в области школьного образования. Национальная история, внедренная в школы нового образца, должна способствовать вытеснению из среды населения самоопределения «мусульманин» и укреплению самоназвания «татарин». Верхняя граница истории тюрко-татар не ограничивалась Булгарским государством и охватывала более ранние периоды. Кроме того, национальная история в понимании авторов статей, публиковавшихся в журнале «Шура», включала в себя и историю тюрков в широком смысле. В частности, «славная история» Османской империи рассматривалась как важная составляющая часть в построении образа «наших предков».

Дискуссии о *тарих-е милли* складывались в «славную историю» предков. Версия истории тюрко-татар, представленная в журнале «Шура», опиралась на возвращение военной активности предков в категорию «славного» и построение образа цивилизованной (*мэдэни*) нации. При этом в центре дискурса об истории оказывается дихотомия дикий (*вахши*) — цивилизованный (*мэдэни*), а конструируемая «своя история» обретает форму через реабилитацию доброго имени тюрко-татар.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. (2007). Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: ИЛО.

Ахунов А. (2019). Проблема исламизации Поволжья в трудах Ш. Марджани. *Islamology*, 9 (1–2), 149–160.

Болгарга сәхабәләр килү-килмәү турында сорау һәм җавап. (1912). *Шура*, 16, 507.

Брилева Д. (2019а). Дискуссии о тафсирах Корана в периодической прессе татар-мусульман Российской империи начала XX в. (на материалах журнала «Шура»). *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*, 3, 19–31.

Брилева Д. (2019б). Концепция «нового мусульманина» между двумя революциями (по материалам журнала «Шура», 1908–1917). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 1/2 (37), 417–433. DOI: 10.22394/2073–7203–2019–37–1/2–417–433.

Габдуллин Х. (1912). Татар тарихы хакында. *Шура*, 17, 531.

Габиди М. (1911). Тарих-е милли. *Шура*, 4, 116–117.

Гали Х. (1912). Иске төркләрдә тормыш. *Шура*, 23, 716–718.

Джераси Р. (2013). Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение.

Ибне Батутаның Кыпчакка сәяхәте хакында сорау һәм җавап. (1917). *Шура*, 12, 2 т.б.

Мәрҗани, М. (1912). Тарихтан бер ләүхә. *Шура*, 3, 82–84.

Миргалеев И., Абызова Р. (2018). Шихабетдин Марджани о Золотой Орде. *Золотоордынское обозрение*, 6(1), 181–198. doi: 10.22378/2313–6197.2018–6–1.181–198.

Тарихымыз (1912а). *Шура*, 18, 558–559.

Тарихымыз (1912б). *Шура*, 19, 590–591.

Тарихымызга гайд (1909). *Шура*, 13, 391–393.

Тарихымызга гайд (1913). *Шура*, 1, 10–12.

Усманова Д. (2004). Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. *Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей (библиотека журнала «Ab Imperio»)*. Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 109–126.

Усманова Д. (2018). Поиски идентичности в эпоху национализма: дискуссии о «мусульманской» и «тюрко-татарской» нации среди волго-уральских татар России в начале XX столетия. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 9. Выпуск 8 (72) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002441–4-1> (дата обращения: 15.09.2020). DOI: 10.18254/S0002441–4-1.

Усманова Д. (2013). «Национальная татарская периодическая печать отличается всюду одинаковостью направления...». Татарская периодическая печать 1905–1916 гг.: количественная и качественная характеристика. *Симбирский научный вестник*, 3 (13), 147–153.

Үземезчел (1912). Төркләр хакында. *Шура*, 23, 2–3 т.б.

Фәхретдин Р. (1908). Мәсләк вә максат. *Шура*, 1, 1.

Фәхретдинов Г. (1909). Милли музаханәбез. *Шура*, 5, 145–147.

Хайрутдинов А. (2019). Мечети региона Заказанье в трактате Ш. Марджани «Мустафад ал-Ахбар фи Ахвали Казан ва Булгар». *Islamology*, 9 (1–2), 161–177.

Шакуров Ф. (2002). Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 года. Казань: Издательство Казанского университета.

Шәрәф Г. (1916). «Төрк-татар тарихы» (Зәки әфәнде Вәлиди әсәре). *Шура*, 13, 311–314.

Bustanov, A. (2019). Shihabaddin Mardjani and the Muslim Archive in Russia. *Islamology*, 9 (1–2), 139–148.

Dudoignon S. (2006). Echoes to al-Manar among the Muslims of the Russian Empire. A preliminary research note on Riza al-Din b. Fakhr al-Din and Sura (1908–1918). *Intellectuals*

in the Modern Islamic world. Transmission, transformation, communication. London-New York: Routledge, 85–116.

Schamiloglu U. (1990). The formation of a Tatar historical consciousness: Şihabâddin Mârcani and the image of the Golden Horde. *Central Asian Survey*, 9 (2), 39–49.

REFERENCES

Ahunov A. (2019). The problem of Volga region Islamization in the works of Shihabaddin Mardjani. *Islamology*, 9 (1–2), 149–160 (in Russian).

Assmann A. (2007). The long shadow of the past: cultures of memory and the politics of history. Moscow: NLO (in Russian).

Question and answer of whether the Sahabah came to Bolgar. (1912). *Shura*, 16, 507 (in Tatar).

Brileva D. (2019a). Discussions About Tafsirs of the Qur'an in the Periodical Press of the Muslim Tatars of the Russian Empire in the Early Twentieth Century (on the Materials of the Journal «Shura»). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 13. Vostokovedenie*, 3, 19–31 (in Russian).

Bustanov A. (2019). Shihabaddin Mardjani and the Muslim Archive in Russia. *Islamology*, 9 (1–2), 139–148.

Dudoignon S. (2006). Echoes to al-Manar among the Muslims of the Russian Empire. A preliminary research note on Riza al-Din b. Fakhr al-Din and Sura (1908–1918). *Intellectuals in the Modern Islamic world. Transmission, transformation, communication.* London — New York: Routledge, 85–116.

Fehretdin R. (1908). Course and purpose. *Shura*, 1, 1 (in Tatar).

Fehretdinov G. (1909). National Museum. *Shura*, 5, 145–147 (in Tatar).

Gabdullin H. (1912). On the Tatar history. *Shura*, 17, 531 (in Tatar).

Gabidi M. (1911). National history. *Shura*, 4, 116–117 (in Tatar).

Gali H. (1912). Ancient Turks' life. *Shura*, 23, 716–718 (in Tatar).

Gerasi R. (2013) Window on the East: National and Imperial identities in late Tsarist Russia. Moscow: NLO (in Russian).

Hajrutdinov A. (2019). Mosques of the Zakazanye region in the Mustafad al-Akhbar fi Ahwali Kazan wa Bulgar treatise by Sh. Mardjani. *Islamology*, 9 (1–2), 161–177 (in Russian).

Question and answer on Ibn Batuta's trip to Kypchak. (1917). *Shura*, 12, 2 t.b. (in Tatar).

Merjani M. (1912). A page of history. *Shura*, 3, 82–84 (in Tatar).

Mirgaleev I., Abyzova R. (2018). Shihabutdin Marjani on the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. (6) 1, 181–198. DOI: 10.22378/2313–6197.2018–6-1.181–198 (in Russian).

Schamiloglu U. (1990). The formation of a Tatar historical consciousness: Şihabâddin Mârcani and the image of the Golden Horde. *Central Asian Survey*, 9 (2), 39–49.

Shakurov F. (2002). The development of historical knowledge among the Tatars until February 1917. *Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta* (in Russian).

Sheref G. (1916). “Turkic-Tatar history” (Work by Zaki Walidi). *Shura*, 13, 311–314 (in Tatar).

Our history (1912a). *Shura*, 18, 558–559 (in Tatar).

Our history (1912b). *Shura*, 19, 590–591 (in Tatar).

On our history (1909). *Shura*, 13, 391–393 (in Tatar).

On our history (1913). *Shura*, 1, 10–12 (in Tatar).

Usmanova D. (2004). Creating the National History of the Tatars: Historiographic and Intellectual Debates at the Turn of the Century. *New imperial history of the post-Soviet space: collection of articles (library of the journal “Ab Imperio”)*. Ed. I.V. Gerasimov, S.V. Glebov,

A.P. Kaplunovsky, M.B. Mogilner, A.M. Semenov. Kazan': Centr issledovanij nacionalizma i imperii, 109–126 (in Russian).

Usmanova D. The Search for Identity in the Era of Nationalism: Discussions about the “Muslim” and “Turkic-Tatar” Nation among Russian Volga-Ural Tatars in the early 20th Century. *Istoriya*. 2018. V. 9. Issue 8 (72) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://history.jes.su/s207987840002441-4-1> (circulation date: 15.12.2018). DOI: 10.18254/S0002441-4-1 (in Russian).

Usmanova D. (2013). “National Tatar press is the same everywhere...”: Qualitative and quantitative characteristics of Tatar press (1905–1916). *Simbirskij nauchnyj vestnik*, 3 (13), 147–153 (in Russian).

Uzemezchel (1912). On the turks. *Sbura*, 23. 2–3 t.b. (in Tatar).